

язве там же (V, 10). В описании большей части событий он должен был основываться на письменных и устных сообщениях других. Тейффель почему-то считает, что в распоряжении Агафия не было никаких официальных письменных документов для времени 552—558 гг., и он в своей истории пользовался исключительно устными сообщениями,⁴⁰ но такое предположение едва ли может быть признано основательным. Если Агафий при помощи представителей императорской администрации сумел получить выписки из летописей Сасанидского Ирана, то представляется невероятным, чтобы при помощи своих высокопоставленных покровителей он не мог ознакомиться хотя бы с некоторыми официальными правительственными документами (донесениями полководцев, дипломатических агентов), необходимыми ему для написания истории. Что такие письменные источники действительно были в распоряжении нашего автора, показывает его описание судебного процесса над убийцами Губаза, где он приводит выдержки из инструкций Юстиниана.⁴¹ Несомненно, из этих официальных источников Агафий получил данные о королях и порядках франков (I, 2—7) и о военных действиях в Италии и Лазике, но, конечно, он не ограничивался одними письменными источниками. Командиры войск, послы, переводчики, торговцы осведомляли его, сообщая много ценных подробностей, и таким образом письменные материалы расцветались свежими красками. Это чувствуется при чтении живого и картинного описания ночного нападения римского отряда на мисимиян (IV, 18), гибели Сотериха (III, 46, p. 175), морской катастрофы, постигшей гуннов при попытке овладеть полуостровом Галлиполи (V, 22), поражения персов при городе Фазисе (III, 24—27). Анализируя вопрос о том, насколько собранный материал мог быть критически освоен автором, насколько достоверны факты, сообщаемые Агафием, мы наталкиваемся на большие трудности, так как Агафий по большей части является нашим единственным источником для событий, происходивших в Италии, Лазике и Византии в 552—558 гг. Возникает вопрос: чем проверять показания нашего историка, если у нас не имеется других свидетелей данных исторических событий? Остается внутренняя критика источника, анализ отдельных известий, установление их внутреннего соответствия.

При оценке Агафия как историка мы не должны прежде всего забывать, что он был сыном своего времени и, подобно большинству античных историков, был убежден в том, что писание истории есть также дело красноречия, которое услаждает и поучает. Он откровенно пишет: „Поскольку это зависит от меня, я желаю и больше всего добиваюсь соединения харит с музами“.⁴²

Агафий любит изысканные поэтические выражения, пишет языком, насыщенным словами и оборотами из Гомера, Пиндара, Геродота, вводит в свое изложение значительное количество таких слов, которые мы встречаем только у него, так что его издатель Нибур должен был эти слова специально выделить в особый *index graecus* своего издания.⁴³

Он щеголяет изысканной небрежностью стиля. У него нередки анаколуфы, нарушение правильной конструкции речи вставными предложениями.⁴⁴ Подобно всем другим античным историкам он влетает в свой рассказ длинные речи, но это не значит, что Агафий беззаботно отно-

⁴⁰ *Philologus* I, 1946. 495.

⁴¹ *Agath. Hist.* III, 3, 142; IV, 6, p. 216.

⁴² *Agath.* III, 1.

⁴³ *Ibid.*, 409—419.

⁴⁴ *Ibid.* II, 22; III, 18.